

Ду Яо видел, что Су Чэ пребывает в смятении и молчит, но это его ничуть не удивило. В конце концов, этот «Цин Янь» собственными глазами видел, как Ань Циюань живьем отрывал ему конечности. Одной лишь невыразимой боли и страха, проникающего до самого костного мозга, было достаточно, чтобы человек лишился рассудка. То, что после пробуждения он не сошел с ума, уже можно было считать чудом, поэтому допытываться до мелких деталей смысла не было.

Ду Яо произнес:

— Раз уж ты очнулся, приведи себя в порядок и переоденься. Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал.

Услышав это, Су Чэ наконец вырвался из плена своих мыслей. Он интуитивно почувствовал, что Ду Яо затеял что-то недоброе, и невольно спросил:

— Что именно?

Взгляд Ду Яо потемнел. Он не стал отвечать напрямую, а лишь поманил рукой прислужников, стоявших позади.

Су Чэ бросил беглый взгляд и заметил, что старшая служанка держит в руках резной поднос из красного дерева. На нем аккуратно лежало белое одеяние, материал и крой которого показались ему до боли знакомыми — настолько, что даже резало глаза.

— Прислужите господину, помогите ему одеться, — скомандовал Ду Яо.

Старшая служанка, услышав приказ, едва заметно вздрогнула, но быстро взяла себя в руки. Если бы не зоркий глаз Су Чэ, он бы этого не заметил.

Однако младшая служанка, стоявшая позади, оказалась куда менее хладнокровной. Увидев, что старшая несет поднос, она побледнела, ее губы задрожали, и после долгой борьбы с собой она все же не выдержала и тихо прошептала Ду Яо:

— Хранитель Ду, если господин наденет это одеяние, боюсь, боюсь, это разгневет главу секты...

Месяц назад Ань Циюань в припадке ярости сровнял с землей несколько горных пиков в окрестностях гор Призрачной Долины. Даже Ду Яо, чья база культивации была выше всех остальных, попал под горячую руку — пытаясь спасти тело Цин Яня, разорванное Ань Циюанем на части, он получил удар, едва не сломавший ему меридианы.

Хотя положение Ду Яо было высоким, он не мог вынести обвинения в нарушении приказа главы секты. Ань Циюань уже давно запретил появляться в Долине Без Прощения в белых одеждах — даже его любимым наложникам это было строго воспрещено.

На самом деле, «Цин Янь» не было настоящим именем этого юноши. Просто после того, как он попал в Долину Без Прощения, Ань Циюань заявил, что ему к лицу бледно-зеленые тона, и добавил иероглиф «Цин» (зеленый) к имени «Янь».

Обычно все обитатели Долины Без Прощения трепетали перед этим запретом, ведь никто не хотел лишиться головы только из-за того, что надел белое.

Но сейчас Хранитель Ду, который лучше всех знал о переменчивом нраве главы секты, решил пойти наперекор правилам и заставить Цин Яня, только что вырвавшегося из лап смерти, надеть белое одеяние для встречи с Ань Циюанем?

Конечно, беспокойство служанок было продиктовано вовсе не заботой о Цин Яне. Просто кому-то же придется сопровождать его к главе секты, и кто знает, не выберут ли именно их? Когда Ань Циюань впадал в ярость, ему даже не нужно было пускать в ход оружие — одного лишь давления его ауры хватало, чтобы превратить простых людей без базы культивации в кровавое месиво. Поэтому такая мелочь, как цвет одежды господина, могла напрямую влиять на их жизни.

Не успела младшая служанка закончить фразу, как Ду Яо сверкнул глазами, и волна убийственного намерения обрушилась на нее невидимым ударом.

Девушку отбросило так, словно ей отвесили тяжелую пощечину. Она рухнула на пол, и из ее носа и рта хлынула кровь.

— Хранитель Ду, пощадите!

Служанки, увидев, что Ду Яо пустил в ход силу, в ужасе повалились на колени, моля о милосердии. В комнате поднялся такой плач, что у Су Чэ начала раскалываться голова.

— Почему я должен надеть это... чтобы идти к нему? — наконец подал голос Су Чэ, не желая, чтобы из-за него страдали девушки.

Ду Яо скривил губы в холодной усмешке:

— О? Я думал, ты давно знаешь почему. Что, теперь будешь притворяться невинным?

Су Чэ промолчал, но выражение его лица было искренне озадаченным. Ду Яо сделал два шага к столу, взял медное зеркало и протянул его Су Чэ.

— Неважно, притворяешься ты или действительно не понимаешь, теперь уже поздно что-то скрывать. Ты думаешь, почему глава секты выбрал именно тебя, такую никчемную пустышку? Если не считать того, что твое лицо похоже на лицо того человека, есть ли в тебе хоть что-то стоящее?

Ду Яо не был снобом, но в мире культивации, особенно среди культиваторов демонического пути, обычные люди без способностей могли лишь влачить жалкое существование под крылом сильных. Для практиков они были не лучше скота, и о каком-либо уважении не могло быть и речи.

Цин Янь, стоящий перед ним, был лишь бледной копией того человека. У него не было ни его характера, ни его ауры. Цин Янь был труслив, слаб и тщеславен.

Сначала, когда Ань Циюань только привез его, он несколько дней устраивал истерики из-за своего статуса наложника. Но позже, когда Ань Циюань проявил редкое терпение, балуя его и исполняя любые прихоти, Цин Янь решил, что жизнь в роскошной Долине Без Прощения не так уж плоха. По крайней мере, здесь он имел богатство и изысканную еду, о которых даже не мечтал, будучи второстепенным сыном из побочной ветви клана.

Демонические культиваторы жили одним днем — ведь никто не знал, не станет ли он завтра питательной средой для кого-то более сильного. Поэтому они жили моментом, в отличие от бесстрастных культиваторов пути Дао или отрешенных буддистов.

Ань Циюань, как глава демонической секты, довел эту склонность к роскоши и излишествам до абсолюта. Если он хотел к кому-то хорошо относиться, то осыпал его милостями до небес. Неудивительно, что Цин Янь, не видевший жизни, быстро сменил гнев на милость и добровольно согласился ублажать мужчину.

Если бы на этом все закончилось, это было бы еще понятно — путь культивации не для всех, а быть наложником — не самый худший вариант. Но сердца демонических культиваторов переменчивы: сегодня они готовы носить человека на руках, а завтра — забыть о нем навсегда.

Цин Янь провел в Долине Без Прощения всего несколько месяцев, как у Ань Циюаня появилась новая пассия, и интерес к прежней угас. Узнав, что его держали лишь как замену другому, Цин Янь устроил скандал, используя все женские уловки: слезы, крики и угрозы самоубийством.

Обычно за такие выходки Ду Яо давно бы превратил его в фарш для собак. Но Ань Циюань приказал оставить его в живых — пусть характер у него был никудышный, но лицо! Поэтому его просто отправили в холодный дворец «остыть».

И вот теперь разгребать последствия пришлось незадачливому левому хранителю Ду Яо. То, что он вообще разговаривал с ним так спокойно, уже было чудом.

Су Чэ, не знавший о прошлом Цин Яня, взглянул в зеркало и вздрогнул.

Тело выглядело лет на двадцать два-двадцать три, в чертах лица еще сквозила юношеская невинность. Однако, вероятно, из-за того, что тело уже познало плотские утехи, эта невинность приобрела оттенок соблазна. Два противоречивых качества идеально сочетались на этом лице,

заставляя запомнить его навсегда.

Но самое главное было не в этом.

Самое главное — лицо Цин Яня было на семьдесят-восемьдесят процентов похоже на лицо самого Су Чэ! Су Чэ достиг стадии Закладки Основания в двадцать пять лет, поэтому его внешность застыла в этом возрасте. В последующие годы время лишь оттачивало его ауру, но не черты лица.

Если присмотреться, черты лица Цин Яня были точной копией его собственных. Только Су Чэ, практиковавший техники пути Дао и обладавший корнем стихии воды, с годами обрел холодный, отстраненный вид бессмертного, не знающего земных желаний. Где уж было Цин Яню избавиться от мирской вульгарности?

Вероятно, именно этот легкий налет соблазна в уголках глаз и выдавал разницу. К тому же у Цин Яня были смоляные волосы, в отличие от серебристых, спадающих до земли волос Су Чэ.

Увидев себя в зеркале и вспомнив белое одеяние, Су Чэ внезапно осознал всю ужасающую правду.

Лицо, похожее на его собственное, белые одежды, игрушка Ань Циюаня... Ответ был очевиден.

Он с трудом подавил вспыхнувшую ярость. Зубы сжались так, что занесли челюсти. Если бы он был прежним Су Чэ, он бы не оставил Ду Яо ни единого шанса на жизнь, даже будь тот правой рукой Ань Циюаня.

Но теперь, когда он стал слабее муравья, утратил базу культивации и занял чужое тело, он мог лишь влачить жалкое существование. Что толку, если он знает, что глава демонической секты Ань Циюань относится к нему с таким омерзением?

Наложник?!

Оказалось, что в голове Ань Циюаня он давно стал объектом вожделения. Тот не погнушался собирать мужчин, похожих на него, чтобы использовать их как замену и унижать, лишь бы удовлетворить свое извращенное желание растоптать его самого.

Перед глазами всплыл взгляд Ань Циюаня на последнем состязании сект. Теперь было понятно, почему ученики Секты Цинъян так реагировали — они видели неприкрытую похоть Ань Циюаня, а сам Су Чэ по своей наивности принимал это за обычную вражду между путями Дао и демонов.

Су Чэ сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Он опустил глаза, скрывая бушующий внутри гнев.

Спустя долгое время он спросил ровным голосом:

— И чего же ты хочешь добиться, заставляя меня надеть это?

<http://bllate.org/book/20774/2084322>